

В.П. Руднев

*доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник кафедры философской антропологии
философского факультета МГУ
vprudnev@mail.ru*

МЫШЛЕНИЕ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ФРУСТРАЦИИ?

В статье автор развивает идеи английского психоаналитика Уилфреда Биона, который полагал, что мышление производно от эмоции и необходимо для преодоления фрустрации. Автор статьи доказывает, что мышление по своей сути является психопатологическим феноменом, так как тесно связано с шизофренической структурой психики Homo sapiens согласно гипотезе английского психиатра Тимоти Кроу.

Ключевые слова: мышление, мысль, фрустрация, эмоция, Блон, психика, психопатология, психоанализ, Homo sapiens

In this issue the author develops the ideas of English psychoanalyst Wilfred Bion that thinking is derived from emotionality and is necessary for overcoming of frustration. The author of issue proves that thinking essentially is psychopathological phenomenon, because it is connected with hypothesis of Prof. Tim Crow about schizophrenic structure of Homo Sapiens psyche.

Keywords: thinking, thought, frustration, emotion, Bion, psyche, psychopathology, psychoanalysis, Homo Sapiens

*«Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания,
но даже и всякое сознание болезнь».*
Ф.М. Достоевский «Записки из подполья»

1.

По У. Биону [Блон, 2009] мышление это когда нет вещи. Но что значит, нет вещи? В определенном смысле ее нет никогда. Вокруг себя я вижу много вещей – книги, компьютер, гипсовая голова Сократа. Но это не вещи, это факты. Вещь сама по себе не существует вне факта, как слово не существует вне предложения и языковой игры. Во всяком случае, так считал Витгенштейн в «Трактате». Что из этого следует? Что мир окутан мыслями? Не совсем так. А что же? Наличие фактов – лишь предпосылка для возникновения мышления. Необходимое, но не достаточное условие. Что значит декартовское «Я мыслю, следовательно, я существую»? Что за пределами мысли ничего нет? Нет реальности? Не совсем так. А что же? Мышление более фундаментально, чем реальность, мышление создает реальность и подчиняет ее себе. Что значит создавать реальность? Создавать реальность из мыслей? Не совсем так. А что же? Как соотносится мысль и факт, мысль и предложение? Что мы можем сказать по поводу витгенштейновского «Мысль есть осмысленное высказывание»? Не все сразу. Как можно создать реальность из мыслей? Он подумал о том, что... и оно возникло. Как оно возникло? Из чего оно возникло? Из ничего? Не совсем так. А из чего же? Из самого себя. Как это понять? Мысль рождает мысль. Мысль рождает не слово, а высказывание. Но зачем все это? Блон по этому поводу высказывается вполне однозначно. Чтобы преодолеть фрустрацию. Как мышление преодолевает фрустрацию? При помощи мыслей, разумеется. Фрустрация же возникает как раз тогда, когда нет вещи. Самой главной вещи на свете. Для грудного ребенка это материнская грудь. Ребенок может просто бессмысленно кричать, когда грудь «ушла», как бы сказал фолкнеровский Бенджи Компсон. Но так фрустрацию не преодолеть. Для этого нужна мысль.

Но как младенец может мыслить, если он еще не знает не только ни одного предложения, но ни одного слова? При помощи механизма проективной идентификации. Что это значит? Это значит, что крик его не является бессмысленным. Это примитивная истерическая реакция – зов о помощи. Вот здесь мы подходим к самому главному. Первое. Почему-то в психоанализе считается, что истерия закреплена за Эдиповым возрастом. Даже Мелани Кляйн не пришло в голову, что первый крик младенца, возвещающий о его появлении на свет, это истерическая реакция. И можно сказать, что это и первая мысль, или протомысль. Зов о помощи. Потому что травма рождения очень тяжела. И второе. Отсюда следует, что любое мышление по сути своей патологично. Это и есть основа новой модели мышления. Всякая мысль патологична, потому что человеку не пришло бы в голову мыслить, думать, если бы у него все было в порядке. Думать человек начинает, когда что-то не так. А что не так? Да все не так. Прежде всего, вещи не похожи на слова, а факты не похожи на предложения. Вещей нет, – не забудем, что именно с этого начинается мышление. Грудь ушла! Почему она ушла? Задается ли младенец ответом на этот вопрос? Мы не знаем этого. Мы видим только, что он смеется, когда ему хорошо, и плачет, когда ему плохо. Так почему она ушла? Она его так воспитывает. Это тоже входит в программу осуществления проективной идентификации. Уйти, а потом вернуться. Так почему же мышление патологично?

2.

Мысль находится на границе внутреннего и внешнего [Г. Фреге]. Внутреннее это бессознательное, это еще не мысль. Внешнее это реальность, это уже не мысль. Когда бессознательное соприкасается с реальностью, на их границе возникает мысль. Таким образом, мышление это есть нечто пограничное. Любая ли граница между реальностью и бессознательным обозначает психическую патологию? И что тогда психическая норма? Это когда человек не думает. Плышет по течению. Бессознательное его никак не соприкасается с реальностью. Такой человек как бы спит без сновидений. Он является живым лишь формально. Он идет на работу. Гуляет, пьет пиво, смотрит телевизор, спит с женой. Это homo normalis по В. Райху. Таких людей большинство, и их становится все больше и больше. Человек деградирует от психической патологии к норме. То есть к животному. Человек задуман как существо слегка безумное, но таковым он стал не сразу. Шизофренический ген, по Тимоти Кроу, развивался по мере того, как развивался человеческий язык. Мышление и язык это, по сути, одно и то же. Выходит, язык это тоже патологическое явление? Так можно слишком далеко зайти. Но арбитранность языка, по тому же Кроу, то есть тот факт, что его знаки не похожи на означаемые, как раз свидетельствует о патологии. Если бы это было не так, если бы, например, фраза «Я пошел в магазин» была бы похожа на факт, что он пошел в магазин, то само произнесение этой фразы совпадало бы с тем, что он пошел в магазин. А это не так. Поэтому мы можем сказать, что мы живем в каком-то вымышленном мире. Но мы сейчас говорили о языке, а не о мышлении. Действительно ли это одно и то же? Можно ли, например, сказать, что язык находится там, где нет вещи? Нет! Я смотрю на девушку и говорю – вот это очень красивая девушка. А можно ли мыслить в присутствии вещи? Нет! Что такое вообще мышление? Мышлением мы будем называть манипулирование арбитранными знаками с тем, чтобы преодолеть фрустрацию. Что такое фрустрация? Это экстремальное состояние психики, которое трудно терпеть. Оно сводится генетически к отсутствию хорошей груди (Блон). То есть мышление связано с отсутствием вещи. Или, как писал Бинсвангер, с «невозможностью безмятежно пребывать среди вещей». Так он определял – шизофрению! Но разве нельзя подумать о вещи в присутствии этой вещи? Вот я смотрю на девушку и думаю про себя: «Какая красивая девушка!» Но это не мысль. А что такое мысль? Мысль это такая точка в психике человека, которая при переходе из внутреннего состояния психики во внешнюю реальность превращается в осмысленное высказывание. Мышление, таким образом, это переход из внутреннего во внешнее. Этим и определяются его пограничность, то есть психопатологичность. Но что психопатологичного в переходе из внутреннего во внешнее? Диалектика внутреннего и внешнего это диалектика невроза и психоза. Невроз – это такое

положение вещей, когда субъект внешнее воспринимает как внутреннее (интроекция), а психоз – когда он внутреннее воспринимает как внешнее (проекция). Наиболее зрелой мыслью является шизоидная мысль, отрицающая предыдущую шизоидную мысль. Наименее зрелой мыслью является истерическая мысль.

3.

Таким образом, мы считаем патологическим только эвристическое мышление, хоть в какой-нибудь степени новаторское. В качестве примера приведем афоризм 1.1. из «Логико-философского трактата» Витгенштейна: «Мир есть совокупность фактов, но не вещей». По Витгенштейну, реально существуют не вещи, а вещи в их соединении с другими вещами: это и есть факты. То есть вещей по отдельности как бы и не существует вовсе. Разве не патологической выглядит эта мысль? В то же время, нельзя отказать ей в оригинальности и правильности. Действительно, разве существует это дерево просто как дерево? Не правильнее ли сказать, что существует то, что это дерево растет возле моего дома, что это дерево очень старое, что это дерево – дуб и т. д.? Именно среди этих фактов и существует дерево. Как слово (имя) реально функционирует не в словаре, а в предложении (и это тоже один из ключевых тезисов «Трактата»), так и вещь, денотат имени, реально существует не в семантическом инвентаре мира, а в живом факте. Когда мы думаем про дерево, мы думаем всегда о том, что оно либо большое, либо молодое, либо сухое, либо зеленое. Просто «дерево» такая же пустая абстракция, как «круглый квадрат». Отсюда следует, что любое мышление предикативно. Мышление это высвобождение. В случае витгенштейновского примера это освобождение, преодоление фрустрации, в соответствии с которой мир состоит из вещей. Почему мысль, что мир состоит из вещей, фрустрировала Витгенштейна? Может быть, потому что в детстве в его доме было очень много (дорогих) вещей. Поэтому нельзя сказать, что Витгенштейн делает здесь какое-то открытие. В сущности, сказать, что мир состоит из вещей, а не фактов, могло бы быть при других обстоятельствах столь же эвристичной мыслью. Возможно, ее высказал бы философ, в детстве живший в бедности: вещей в доме было мало, а его все время заставляли работать. Вообще мысль (или смысл), будучи довербальной, предшествующей высказыванию, не является ни истинной, ни ложной. Недаром Делёз в «Логике смысла» писал, что у предложений «Бог есть» и «Бога нет» один и тот же смысл. Поэтому мысль о том, из чего состоит мир, из вещей или из фактов, не имеет истинностного значения. Мир состоит в каком-то смысле из вещей, а в каком-то из фактов. Но последнее предложение не является выражением эвристичной мысли, и поэтому оно не есть нечто патологичное. Блон писал в книге «Научение через опыт переживания», что «правда это неотъемлемая часть здоровой психики». Возможно, это и так, но если бы мир был населен только психически здоровыми людьми, то он не отличался бы от стада баранов.

4.

Мысль о том, что эвристическое мышление является патологичным, сама является патологичной. И это хорошо, стало быть, она эвристична. Когда мы с друзьями делали на канале «Культура» в рамках программы «Черный квадрат» передачу «Безумие», руководство канала нам сообщило, что сама передача выглядит безумно. Среди прочих в ней участвовали А. И. Сосланд, Д. А. Пригов и лучший практикующий психоаналитик Москвы Игорь Кадыров, тогда же придумавший термин «нормоз», которым я с тех пор активно пользуюсь с указанием автора. О чем бы мы, закончившие Тартуский университет, ни писали, мы всегда пишем «не так, как все». Должен признаться, что в моем случае это влияние даже не столько Ю. М. Лотмана, сколько Б. М. Гаспарова. И так, о чем бы я ни писал: о времени, реальности, бессознательном, шизофрении, мне во что бы то ни стало хочется сделать это не так, как делали до меня, и не так, как будут делать после меня (поэтому у меня нет учеников). При этом я хочу стать похожим на западного философа горячей культуры (Витгенштейн), но все равно оказываюсь философом русской холодной культуры (Розанов и Виктор Шкловский). Как-то моя «ученица», когда я ей подарил свою 15-ю или 16-ю книгу, сказала мне:

«В сущности, ты начинающий автор...». Пример постмодернистского психоанализа. Мы едем с женой в поезде в Петербург. Она говорит: «Смотри-ка, им официант принес даже красное вино». «Нет, – говорю я, – бокал с красным вином ты только что увидела в телевизоре!» Как легко совмещаются «вымысел» и «реальность», плоское и объемное. Писать не как все, думать не как все – это чтобы нас было интересно читать. Ни истинно, ни ложно, а интересно. Любая «научная» философия только тогда имеет успех (у читателя), когда чтение ее захватывает. Пример – все тот же «Трактат» Витгенштейна. Там нет ничего истинного и ничего ложного. Но все очень увлекательно. Если бы я был композитором, я бы написал оперу «Логико-философский трактат». Психиатры говорят об искаженном мышлении психотиков. Так, например, Даниил Андреев в «Розе мира» всерьез утверждал, что Андрей Болконский был сыном Льва Толстого. Эта мысль патологична не в том смысле, в котором я говорю о патологичности эвристического мышления. Она патологична с «клинической» точки зрения, с точки зрения «всех», или тех, кто пишет «как все». Если бы у Даниила Андреева спросили бы: «Как же вы говорите, что Андрей Болконский был сыном Толстого, ведь у него же был отец – старик Болконский», то он бы мог ответить: «Точно так же вы можете сказать – как же Христос мог быть Сыном Божьим: ведь у него был отец плотник Иосиф». Но если принять точку зрения Даниила Андреева, то получится, что всякий вымышленный персонаж является сыном своего автора. Например, Мойдодыр – это сын Корнея Ивановича Чуковского.

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...

5.

В концептуализации Биона есть диалектика PS – D. То есть человек все время переходит с параноидно-шизоидной позиции на депрессивную и обратно. На параноидно-шизоидной позиции отсутствуют целостные объекты и господствует влечение к смерти. На депрессивной позиции появляется первый целостный объект, мать, но он утрачивается, потому что, когда мать на время отлучается, ребенок воспринимает это так, что она больше не вернется. Поэтому данная позиция и называется депрессивной. По-видимому, мышление это нечто, как раз специфически свойственное переходу PS – D. На PS это размышление об утраченном хорошем «куске матери», «хорошей груди», как называла ее Мелани Кляйн. На D это размышление об утраченной матери. В обоих случаях это преодоление фрустрации. Но на позиции PS это еще не настоящее мышление это довербальное прото-мышление, так как нет субъекта, объекта и предиката, то есть младенец еще не овладел речью. На позиции D, когда, как ему кажется, мать ушла навсегда, он размышляет уже более зрело: *что* ему теперь делать, *как* вернуть мать. Но, в сущности, она ему уже не нужна. И она бросает его бессознательно-умышленно, чтобы могло развиваться его мышление без вещи – она сама и есть эта вещь. Диалектика PS – D это как переменный ток. Мы не замечаем этих переходов, а они совершаются постоянно и во взрослой жизни. Это соответствует тому, что, как считал Блон, в каждом из нас есть психотическая (соответствующая PS) и непсихотическая (соответствующая D) части. Но Блон, каким бы выдающимся мыслителем он ни был, считал, что психоз это однозначно плохо и что это поломка мышления. Мы же считаем вслед за философской традицией Делёза и Гваттари, что психоз (шизики) соответствует творческой части субъекта, во всяком случае, так сложилось в XX веке. Если бы это было не так, мы не имели ни «Андалузского пса», ни «Поминок по Финнегану», ни «Шума и ярости», ни «Зеркала», ни «Хазарского словаря», ни «Школы для дураков», ни многого другого. *Мысль – это не сама психопатология, а точка перехода PS к D и обратно.* А это, повторяю, переменный ток. Ну, хорошо, а комические произведения XX века, например, «Двенадцать стульев» или «Веселые ребята»? Где здесь переход от PS к D? Где здесь вообще психическая патология? Но ведь есть разные психические конституции и среди них так называемые синтонные, жизнерадостные. Вспоминая, например, Дюма-отца, трудно представить себе параноидно-шизоидную позицию. Ну, это значит,

во-первых, что он проходил ее незаметно и безболезненно, а во вторых, какой же Дюма мыслитель? Как говорил Кролик в «Винни Пухе», «когда я говорю «думать», я имею в виду *думать*».

6.

В основе эвристического мышления лежит отрицание, поскольку отрицание является базовым механизмом защиты шизоида.

У шизотимной личности отрицание выступает как защита Эго против угрожающей реальности, что проявляется в *эпистемическом* отрицании, но, если так можно выразиться, не самой реальности, как это происходит при психотической реакции, а онтологическо-эпистемических квинтэссенций реальности, ее материальности и независимости от сознания. Поэтому идеализм является естественным философским проявлением неклинического шизотимного или шизотипического мышления. Разве не отрицанием реальности в широком смысле является знаменитый ответ Гегеля на претензии к его системе, что она не во всем соответствует действительности: «Тем хуже для действительности»? [Руднев, 2002, с. 67].

Получается, реальность и мышление противоположны. Конечно, если принятие реальности это механизм здоровой личности, «безмятежно пребывающей без вещей», то *мышление происходит* в отсутствие вещей, то есть *в отсутствие реальности*. Но по Витгенштейну, мир (реальность) – это совокупность фактов, а не вещей. Можно ли сказать, что мышление происходит в отсутствие фактов? Можно ли сказать, что психически здоровый человек безмятежно пребывает среди фактов? Философская мысль это пропозиция, которая отрицает предыдущую философскую мысль, ставшую обыденной пропозицией. Например, пропозиция «Время движется из будущего в прошлое» это философская пропозиция, а пропозиция «Время движется из прошлого в будущее» это обыденная пропозиция, когда-то бывшая философской. Почему философу нужно отрицать обыденную мысль? Потому что он не доволен обыденностью, *ему нужно сказать что-то новое, чего еще раньше никто не говорил*. Поэтому эвристическое философское мышление, как правило, ошибочно, так как наступит время, когда это философское высказывание станет обыденным, и на смену ему придет новый философ с новой ошибочной мыслью, отрицающей эту, когда-то новую, а теперь ставшую обыденной мысль, с тем, чтобы со временем пришел новый философ, и также ошибочно стал отрицать эту мысль и так *ad infinitum*.

7.

Здесь сразу возникает множество проблем. Мы говорим, что мышление это психопатологическое явление. Но до какой степени? Острый шизофреник, отождествляющий вещи со словами и факты с предложениями, не может мыслить. Для того, чтобы мыслить, нужно, чтобы было два мира, мир знаков и мир означаемых. У психотика они спутаны. Почему же мы в позапрошлой главе утверждали, что именно психотическая часть человека является творческой? Что такое психотическая часть личности? Блон в статье «Отличие психотической личности от непсихотической» писал:

«Отличие заключается в том, что такое сочетание свойств вызывает фрагментацию личности на мельчайшие части, в особенности – фрагментацию аппарата осознания реальности (то есть мышления – В.Р.) и массивированную проекцию этих фрагментов личности на объекты внешнего мира» [Блон, Отличие психотической..., 2008, с. 99].

Эти изгнанные фрагменты начинают жить самостоятельной жизнью, и Блон называет их странными объектами. В сущности, эти остатки психики являются псевдогаллюцинациями, вызывающими бред воздействия. Но бред воздействия существует за пределами ошибки, то есть за пределами мышления. Но не за пределами творчества. Бред это, *прежде всего*, творчество. Творчество странными объектами. Психотическое творчество за пределами каких бы то ни было ошибок и какого бы то ни было мышления. Где же кончается мышление? В том месте, где начинается острый психоз. По Юнгу в этот момент психика затопляется коллективным бессознательным.

Психика мифологизируется. На поверхность ее выступают обломки архетипов. Это и есть странные объекты Биона. Но существует хроническое пред- или пост-шизофреническое состояние. Его называют *шизотипическим*, в нем сохраняются осколки (странные объекты), но они семантизируются, превращаются в постмодернистские цитаты и ими становится возможным мыслить. Особенность такого мышления состоит в его нарративности (в смысле моей книги «Новая модель реальности» [Руднев, 2016]), то есть в неприспособленности к верификативным иллюзиям. Подобные мысли могут быть интересными или скучными, но они не могут быть истинными или ложными. В отличие от шизотипических мыслей, шизоидные мысли претендуют на иллюзию истинности и ложности. Именно поэтому они являются фундаментально ошибочными, или, попросту говоря, фальсифицируемыми. Шизотипическое мышление нефальсифицируемо. Поппер здесь не поможет.

8.

Следующая проблема, которую предстоит решить раз и навсегда, это соотношение мышления и речевой деятельности. В «Трактате» на этот счет существует два известных и противоречивых афоризма.

«4 Мысль – это Пропозиция, обладающая Смыслом. <...>

4.002 <...> Речь маскирует мысль. И так, что по внешней форме этой маскировки нельзя заключить о форме замаскированной мысли; поскольку внешняя форма маскировки вовсе не имеет целью выявить форму тела» (*перевод мой.* – В.Р.)

Отождествление мысли с пропозицией вызывает сомнение. Для того чтобы высказать пропозицию, нужно определенное время. Мысль опережает пропозицию, она, по сути, возникает мгновенно, но тут же превращается в пропозицию. Следовательно, мысль и пропозиция это не одно и то же. Далее Витгенштейн (и, по-моему, справедливо) утверждает, что речь маскирует мысль (в другом переводе «Язык переодевает мысли»). Почему речь маскирует мысль? Чтобы не выдать ее. Потому что говорится, как правило, не то, что думается. У мышления и речевой деятельности различные функции. Мышление преодолевает фрустрацию. Речевая деятельность маскирует это преодоление фрустрации и выдает его за разговор, как правило, ни о чем. На самом деле любая речевая деятельность является проективной идентификацией. Ее цель – навязать собеседнику замаскированную мысль. В этом смысле мышление *не* является оперированием знаками. Недаром Блондел говорит о мыслях сновидения как о более фундаментальных, чем мысли при бодрствовании. То есть мышление – это оперирование чистыми смыслами. Мысль не может быть бессмысленной. Пропозиция может. В этом Витгенштейн прав. И в этом он романтик. «И лишь молчание понятно говорит...» «Мысль, изреченная, есть ложь...» Лотман определял романтизм как поэтику оборванных связей. Романтический герой (я так понимаю мысль Лотмана) одинок, потому что он не может и не хочет говорить, хоть мыслей у него навалом. Можно сказать, что всякий романтический герой – шизоид. Но можно ли заключить в свете сказанного, что мышление более фундаментально, чем речевая деятельность? Можно ли сказать, что преодолевающий фрустрацию младенец, не умеющий говорить, думает? Откуда берутся доречевые смыслы? Ответ может быть только одним: из коллективного бессознательного, больше им неоткуда взяться. Поэтому довербальное мышление – это бессознательное мифологическое мышление. То, что мы называем сознанием, приобретается посредством языка и ведет к возможности обмана. Этот-то обман я называю верификативной иллюзией. У чистой мысли этих верификативных иллюзий нет. Чистая мысль не истинна и не ложна. Именно поэтому она допонятийна, то есть мифологична в смысле О. М. Фрейденаберг. Но, это, конечно, реконструкция. Взрослый человек не может так мыслить, у него мысли засорены языком. Так называемая «внутренняя речь» насквозь диалогична. Чистый миф это самоотрицающее понятие, он невозможен, как не возможен круглый квадрат. Но будучи невозможным, он является фундаментальным, его можно реконструировать. Чистое мышление и чистый миф это очень похожие вещи, они служат для преодоления фрустрации (в случае мифа – социальной, в случае

мышления – биологической и психологической). Чистое мышление превращается в речевую деятельность, чистый миф – в нарратив (понятийный миф, по О. М. Фрейдбергу). И здесь реконструкция уже не нужна. Мы все это можем наблюдать воочию. Это наша так называемая реальность, наша культура.

9.

Мышление не нуждается в речи. Это речь нуждается в мышлении. В чем нуждается мышление, так это в аффекте. Блондел писал в книге «Внимание и интерпретация: «Рассудок – раб эмоций и существует для того, чтобы рационализировать эмоциональные переживания» [Блондел, 2010, с. 23]. Первая часть этого суждения понятна. Если мышление возникает для преодоления фрустрации, то, стало быть, эмоция первичней, ибо фрустрация и есть непереносимая эмоция. Вторая часть высказывания Блондела более проблематична. В психоанализе рационализация – механизм защиты, при котором в мышлении используется только та часть воспринимаемой информации, и делаются только те выводы, благодаря которым собственное поведение предстаёт как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам. Иначе говоря, подбор (поиск) рационального объяснения для поведения или решений, имеющих иные, неосознаваемые причины. В этом-то состоит патологичность мышления, так как механизм защиты всегда патологичен. Что же получается, что мышление нужно всего лишь для того, чтобы защитить психику, причем патологически? А как же познание? Познание, как мы уже писали выше, есть, род отрицания. Отрицание – специфический механизм защиты шизоида, наиболее зрелого мыслителя. Ненси МакВильямс писала: «Чем человек умнее и способнее к творчеству, тем лучшим рационализатором он является» [МакВильямс, 1998, с. 164]. Таким образом, мышление как рационализация и отрицание является побудительной способностью к творчеству. Но в основе всего лежит аффект, эмоция. Если человек пытается мыслить не на основе аффекта, а на основе ритуальных догм, он превращается в компульсивного психопата, такого, как Алексей Александрович Каренин, которого жена назвала «злой машиной». Тот факт, что в основе мышления лежит эмоциональность, сродни теории О. М. Фрейдберга, в соответствии с которой в основе любого понятия лежит миф. Миф в этом смысле основа мышления. Мышление это рационализация мифа, превращение его в нарративное понятие. И, таким образом, если любое понятие есть рационализация эмоционального эффекта, то любое умозаключение есть рационализированная эмоциональная драма или даже трагедия. Вот аргументы О. М. Фрейдберга:

«Греческий роман опирается на очень архаический материал. Тут «рассказ» носит субъектно-объектный характер; в нем нет различия между тем, кто рассказывает, что рассказывается, кому рассказывается. ... В таком мифе сам рассказчик идентичен своему рассказу... рассказ уподоблен жертвенному животному» [Фрейдберг, 1978, с. 210-211].

Итак, мышление в историческом плане сводимо к тотемизму. Что это значит? Это значит очень странную вещь. Что о чем-то можно думать, а о чем-то нельзя. Но это абсурд! Как можно запретить о чем-то не мыслить? Но вспомним шиллеровское: «Сир, даруйте же свободу мысли!» Мы сами не замечаем, что запрещаем себе думать о чем-то. Это в нас говорят остатки тотемистического мышления. Здесь ход нашей мысли таков. Поскольку тотем (за исключением праздника) нельзя принимать в пищу, а мышление уподобляется Блону пищеварению, то запрещение употреблять в пищу тотема аналогично запрещению думать о чем-то плохо. И, конечно, это психопатология. Кто боится, что его мысли будут известны другому? Шизофреники, конечно. У шизоидов этот процесс происходит латентно. Когда, по версии Фрейда, братья в первобытной орде съели отца-тотема, чтобы завладеть матерью, у них появилось коллективное чувство вины.

«Ссылка на торжество тотемистической трапезы позволяет нам дать ответ: в один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца, и положили таким образом конец

отцовской орде. Они осмелились сообщать и совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности. Может быть, культурный прогресс, умение владеть новым оружием дал им чувство превосходства. То, что они, кроме того, съели убитого, вполне естественно для каннибалов-дикарей.

Жестокий праотец был несомненно образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы. Тотемистическая трапеза, может быть, первое празднество человечества, была повторением и воспоминанием этого замечательного преступного деяния, от которого многое взяло свое начало; социальные организации, нравственные ограничения и религия.

<...>

Для того, чтобы, не считаясь с разными предположениями, признать вероятными эти выводы, достаточно допустить, что объединившиеся братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые мы можем доказать у каждого из наших детей и у наших невротиков, как содержание амбивалентности отцовского комплекса. Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремлений к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния, возникло сознание вины, совпадающее с испытанным всеми раскаянием. Мертвый теперь стал сильнее, чем он был при жизни; все это произошло так, как мы теперь еще можем проследить на судьбах людей. То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали, попав в психическое состояние хорошо известного нам из психоанализа «позднего послушания». Они отменили поступок, объявив недопустимым убийство заместителя отца тотема, и отказались от его плодов, отказавшись от освободившихся женщин. Таким образом, из сознания вины сына они создали два основных табу тотемизма, которые должны были поэтому совпасть с обоими вытесненными желаниями Эдиповского комплекса» [Фрейд, 1913].

Кто-то сказал, что психология это палка о двух концах. Фрейд возводит к тотемизму христианство. В самом деле, кто как не Христос считал величайшим грехом не само прелюбодеяние, а только мысль о нем! Так что можно понять шиллеровского маркиза Позу, который требовал от короля свободу мысли.

10.

Мысль – универсальный рационализатор. Но между мыслью и аффектом устанавливаются взаимнообратимые отношения, как PS – D. Наряду с рационализацией, должна существовать и дерационализация, обратное превращение мысли в аффект. Это регрессия, психотизация. Для того, чтобы превратиться в аффект, мысль должна развалиться, исказиться. Значит, преодоление фрустрации произошло неуспешно. Эта вторичная фрустрация отличается от первой тем, что попытка ее преодолеть при помощи отрицания-нейтрализации, то есть зрелого механизма защиты, не удалась. А мысль в это время успела уже превратиться в высказывание. Нейтрализующее высказывание. Вроде «Я не верю, что моя сестра умерла». Но происходит дерационализация, и человек видит умершую сестру и начинает снова рыдать. Это может перейти в психотический регистр, в отрицание реальности, в бред: «Моя сестра не умерла». Может перейти в деперсонализацию «Мне все равно, что моя сестра умерла». Суть моей концепции мышления состоит в том, что мысль «Моя сестра умерла», в сущности, психологически невозможна. Всегда необходим какой-то добавочный модальный оператор. Витгенштейн писал, что мы не можем мыслить не логически. А я бы сказал по-другому: мы не можем мыслить не мифологически. Почему невозможна мысль «Моя сестра умерла»? Потому что это не мысль. Она ничего не преодолевает. Это пост-мысль. Как не является мыслью «Дважды два равно четырем». Но при чем здесь мифологизм? А вот причем. Шизоид мыслит мифологически, потому что его отрицание является в то же время утверждением противоположного. То есть это нейтрализация. Нейтрализация между жизнью и смертью, между истиной и ложью.

Это универсальная нейтрализация. Так понимал миф А. М. Пятигорский. «Неверно, что моя сестра умерла. В определенном смысле она жива». В каком же смысле? В мифологическом. Там, где нет истины и лжи, а смерть переходит в рождение. У шизоида всегда есть представление о прямом смысле, низшем, и переносном, высоком. Сестра его не умерла в высшем смысле. Дерационализация является истерической реакцией, незрелой, уничтожающей мысль. Такой была реакция Ленского, приревновавшего Онегина к Ольге.

Он мыслит: «Буду ей спаситель.
 Не потерплю, чтоб развратитель
 Огнем и вздохов и похвал
 Младое сердце искушал;
 Чтоб червь презренный, ядовитый
 Точил лилеи стебелек;
 Чтобы двухутренный цветок
 Увял еще полу раскрытый».
 Все это значило, друзья:
 С приятелем стреляюсь я.

Монолог Ленского – антимифологический, он ничего не преодолевает, а наоборот комически заостряет, что подчеркнуто несоответствием шинельных романтических штампов в речи Ленского и заключительного двустихия от имени автора, что подчеркнуто в книге [Лотман, 1975]. Если бы Ленский был шизоидом, как бы он ответил на фрустрацию, которую подстроил ему легкомысленный Онегин? Он бы мифологизировал ее, лишив ее верификативных иллюзий. Как бы он мог это сделать? Ну, например, дружески дать Онегину по морде. Это называется в психоанализе *acting out*, отыгрывание вовне, которое не может быть ни истинным, ни ложным; это и есть мифологизация. Любое действие, не сопровождающееся словами, есть мифологическое, нейтрализующее действие. Но является ли само подобное действие мыслью? Нет. Но оно последствие мысли. Здесь вспоминается теория речевых актов и само название книги ее основателя Джона Остина «Как производить действия при помощи слов?» Речевой акт мифологичен, так как он не является ни истинным, ни ложным. Согласно же перформативной гипотезе Анны Вежбицкой любое высказывание является речевым актом.

11.

Мысли рождаются во сне. Кажется, что это парадоксально – во сне интеллект отдыхает. Но известны случаи, когда гениальные открытия совершались именно во сне (например, во сне Менделеев увидел периодическую таблицу химических элементов). Сон и сновидение определяются (с точки зрения бодрствующего) как нечто семиотически неопределенное. Во сне нет денотатов. Это реальность чистых смыслов. Но можно ли назвать сновидение реальностью? В буддийской философии сон это реальность, а реальность это сон, иллюзия. Будем считать, что это нечто вроде принципа дополнительности. Витгенштейн писал, что реализм и солипсизм это практически одно и то же, если они строго продуманы. Что нам это дает? Это дает нам предположение об относительности внутреннего и внешнего. Реальность это лента Мебиуса, там внутреннее переходит во внешнее, и наоборот (подробно см. книгу «Новая модель реальности» [Руднев, 2016]). И, таким образом, мышление это тоже постоянный переход из внутреннего во внешнее и обратно. Что такое не-мышление? Это действие, внешнее действие. Или факт, как бы сказал Витгенштейн. Что такое не мысль? Это вещь, нечто внешнее, сугубо внешнее. Но вещей не существует вне фактов. Из этого можно вывести, что и мыслей не существует без мышления. Но в сновидении в определенном смысле нет противопоставления вещи и факта, там все перемешано, «все равно всему» (И. Матте Бланко). Поэтому во сне нет противопоставления мысли как чего-то номинативного, вещного, и мышления

как чего-то предикативного, событийного. Из этого следует, что сновидение архаичнее, чем реальность. Что оно менее иллюзорно. Ведь так называемая реальность – по сути, семиотическое образование, правда, довольно сложное. Сновидение семиотически неопределенно, оно не образует знаков. И, стало быть, мышление во сне это *чистое* мышление, незнаковое. Ю. М. Лотман говорил нам, что основателем семиотики является Блаженный Августин. Но более существенно то, что основателем психологии был Иисус Христос. Мы уже касались этого выше. В Нагорной проповеди сказано:

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. *Исх 20:14; Втор 5:18*. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Достаточно взглянуть на женщину (во сне), и тебе уже конец. Если перевести все это на более привычный язык, можно сказать, что Иисус Христос дал людям бессознательное. Предписание Ветхого Завета просто и ясно. Предписание Христа чрезвычайно сложно. Как можно точно определить, смотришь ты на женщину с вожделением или нет? И для того, чтобы этого не делать, нужна большая внутренняя работа, тренировка эмоций. При этом интересно, что заповедь Христа дается не в виде эксплицитного предписания, а, скорее, в виде контрфактического суждения. Здесь не сказано: не делай так, а сказано, скорее: если сделаешь так, то будет так. В чем различие? Различие, как кажется, в том, что человеку предоставляется выбор. Эксплицитное предписание говорит: не делай так (а то будет плохо). Косвенное предписание Христа говорит другое. Человек может не нарушать закон внешне, но при этом он будет нарушать его внутренне. Это очень трудно исполнить. Вот человек идет по улице, и навстречу ему идет красивая девушка. Он думает: «Какая красивая девушка. Хорошо бы...» И вот уже Христова заповедь нарушена. Что делать этому человеку, которому свойственно заглядываться на красивых девушек? Если он искренний христианин, он должен, видимо, как-то себя изолировать от таких ситуаций. Ну что ему делать? Не выходить вообще на улицу? Но он может и сидя дома подумать об этой девушке, которую он встретил на улице, и вновь заповедь будет нарушена. Улица и дом эта та же лента Мебиуса. Мне кажется, богохульник Пушкин посмеялся над словами Иисуса в «Графе Нулине»:

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?
Что, если можно?.. вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил», –
И Нулин свечку погасил.

Ситуация здесь такая же, как в случае с Ленским, приведенным выше. Ее обобщенно можно назвать внешним сновидением, или, точнее, истерией с самим собой.

12.

Бион в статье «Теория мышления» писал: «мышление возникает для того, чтобы справляться с мыслями»; «мышление это образование в психике, вызванное давлением мыслей» [Бион, Теория мышления, 2008, с. 159]. То есть мысль по Биону не продукт мышления, а его предпосылка. И мысль это нечто вроде непереносимой эмоции. Мысль надо переварить, как кусок пищи. Как это соотносится с декартовским, «я мыслю, следовательно, я существую»? Что такое «мыслить»? Это значит

справляться с мыслями, переваривать их. А отчего возникают мысли? От фрустрации. А отчего возникают фрустрации? От расщепления. Вот ребенок родился на свет, и произошло первое и главное расщепление на внутренний мир и внешний. Ребенок испугался и сразу запросил материнской груди. Поев, он заснул. Во сне он начал переваривать мысли. Зачем я пишу эту книгу? Чтобы справиться с мыслями о мышлении. Под влиянием Биона и Кроу у меня возникла мысль, что мышление есть нечто патологическое. С этой мыслью надо справиться, переварить ее во сне. Почему же все-таки во сне? Не буду вновь рассуждать о том, что более реально, а что более иллюзорно. Сновидение это образование для переваривания мыслей. Для того чтобы переваривать мысли, нужны «сгущение» и «смещение». Это как поэтика выразительности и генеративная семантика А. К. Жолковского. У Пушкина была одна мысль: амбивалентно окрашенное противопоставление подвижного и неподвижного. Ему надо было как-то с ней справиться. Для этого ему нужно было его поэтическое мышление, «поэзии священный бред». Но в случае психоза человек хочет уже не переварить мысли, а избавиться от них, так как они причиняют боль. Откуда он возникает, психоз? В сущности, это непереносимая фрустрация. А что это значит? Вот человек смотрит на реальность и перестает ее понимать, потому что он внутреннее, свои мысли, проецируя, принимает за внешние объекты, образуются галлюцинации, то, что Блон называет странными объектами. Реальность нужна для того, чтобы отличать внутреннее от внешнего. Древние люди этого не могли. – Скажи, ты можешь себе представить Ефима Курганова? – Да, могу. – Но ведь его же здесь нет. Как ты докажешь, что это не галлюцинация. – Это и есть бытовая галлюцинация. – Как мы отличаем их от реальности? При помощи мысли? Ничего подобного. Это просто навык реальности. По настоящему галлюцинации от реальности как вещи в себе ничем не отличаются. Мы живем в мире странных объектов. В параллельных мирах. Но мы умеем отличать вещи от слов, а факты от предложений. У психотика все это перемешано, все равно всему. Но здесь как будто возникает противоречие. С одной стороны, я считаю «нормальное» мышление психопатологическим. С другой стороны, в психозе мышление разрушается. Но дело в том, что «нормального мышления» не существует. Нормы вообще не существует. Для меня одинаковыми эталонами эстетической нормы будут и «Я вас любил. Любовь еще быть может», и «Писсуар» Дюшана, и «Московский дворик» Поленова». А что такое психическая патология? Выше я постулировал, что наиболее зрелое мышление это пограничное мышление шизоида. Оно погранично между «нормозом» и шизофренией. Мыслить в декартовском смысле это значит находиться на границе между «нормой» и «безумием». Это и есть хайдеггеровская экзистенция, *Da sein*. Психоанализ, да и любая психотерапия, не является лечением в том смысле, как лечат сердце или желудок. Терапия души ориентирована на развитие, на то, чтобы человек лучше переваривал мысли, а не на то, чтобы его у них не было.

13.

Мысль – это осмысленная эмоция. Эмоция при отсутствии мышления может быть передана только примитивным языком будущих междометий. Как без помощи мышления преодолеть эмоцию «мне сейчас очень больно»? Кричать или плакать. Но что, если это не помогает? Возникает некоторая довербальная прото-мысль «мне-сейчас-очень-больно». Но как справиться с этой мыслью? Возможно, надо подумать: «Так уже было раньше, потом прошло. Скорее всего, и сейчас пройдет». Или просто: «Надо потерпеть!» Или: «Надо принять лекарство». Не получается ли так, что в мыслительной деятельности нуждаются только негативные эмоции, а радость, покой, счастье, любовь не нуждаются в обдумывании. Человеку хорошо. И слава Богу! О чем тут еще думать? И тогда получается, что негативные эмоции соответствуют психической патологии, а позитивные – психическому здоровью. Опыт показывает, что это не так. Больные часто смеются, а здоровым случается плакать. Мышление, направленное на то, чтобы справиться с мыслями, тем самым направлено на действие. Эмоция – мысль – мышление – действие. Негативная эмоция (холодно!), мысль (как преодолеть холод?), мышление (чтобы преодолеть холод, надо разжечь в пещере огонь; или построить дом). Но если бы все было так просто! Но у людей так не бывает, чтобы они нечто

негативное преодолевали чем-то позитивным. Построить дом это значит, прежде всего, не укрыться от холода, а преодолеть травму рождения. Или влечение к смерти, что примерно то же самое (дом – домовина, то есть могила). И вообще бинарность (хорошо – плохо, жизнь – смерть, истина – ложь) не свойственны мышлению человека. Её придумали структуралисты. Необходимым и достаточным является число три, как было убедительно показано В. Н. Топоровым. По Гурджиеву, у человека три центра – интеллектуальный, эмоциональный и двигательный. Человек это машина, работающая во сне. Машине только кажется, что она живет, на самом деле она механически спит. И мышление у нее тоже механическое. И эмоции механические. Для того, чтобы преодолеть механистичность, человек должен все время помнить себя, постепенно пробуждаясь от сна жизни, делаясь таким, каким его задумал Христос, миссия которого, по словам Даниила Андреева, была прервана. Царство Небесное согласно эзотерическому христианству это высшее состояние психики, где нет никаких бинарных оппозиций. Это, конечно, утопия. Я ее называю новый трагизм. Это, прежде всего, думать и говорить правдиво во всех параллельных мирах. К этому можно только стремиться. Например, дать себе задание не врать самому себе в течение 15 минут. Это очень трудно. Человек не понимает, какой хаос творится у него в голове. Он одновременно любит и ненавидит, хочет есть и худеть, хочет стать священником и дирижером симфонического оркестра. Но только человек этого хаоса не воспринимает, чтобы не сойти с ума. Наиболее честные люди допускали в себе элементы этих противоречий. Катулл в знаменитом дистихе писал, что одновременно ненавидит и любит Клодию. Но такая честность и смелость чрезвычайно редки. Чаще всего человек бывает в целях защиты своей психики совершенно неоткровенен с самим собой.

ИСТОЧНИКИ

1. Бион У. Отличие психотической личности от непсихотической // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике : сборник научных трудов. – Москва: Межрегиональная общественная орг. «Русское психоаналитическое о-во», 2008.
2. Бион У. Теория мышления // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике : сборник научных трудов. – Москва: Межрегиональная общественная орг. «Русское психоаналитическое о-во», 2008.
3. Бион У. Научение посредством опыта переживания. – Москва, 2009.
4. Бион У. Внимание и интерпретация. – Санкт-Петербург, 2010.
5. Фрейд З. Тотем и табу (1913) <http://e-libra.ru/read/143827-totem-i-tabu.-psixologiya-pervobytnoj-kultury-i-religii.html>

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». – Тарту, 1975.
2. МакВильямс Н. Психоаналитическая диагностика. – Москва: Независимая фирма «Класс», 1998.
3. Руднев В. Характеры и расстройства личности. – Москва: Независимая фирма «Класс», 2002.
4. Руднев В. Новая модель реальности. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
5. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – Москва, 1978.

SOURCES

1. Bion W. *Otlichie psihoticheskoy lichnosti ot nepsihoticheskoy* [The differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities] in *Idei W.R. Biona v sovremennoj psihoanaliticheskoy praktike* [W.R. Bion's ideas in contemporary psychoanalytic practice]. Moscow, 2008.
2. Bion W. *Teorija myshlenija* [Theory of thinking] in *Idei W.R. Biona v sovremennoj psihoanaliticheskoy praktike* [W.R. Bion's ideas in contemporary psychoanalytic practice], Moscow, 2008 (a)
3. Bion W. *Nauchenie posredstvom opyta perezhivaniya* [Learning from Experience]. Moscow, 2009.
4. Bion W. *Vnimanie i interpretacija* [Attention and Interpretation]. Saint-Petersburg., 2010.
5. Freud S. *Totem and Taboo*. 1913 <http://e-libra.ru/read/143827-totem-i-tabu.-psixologiya-pervobytnoj-kultury-i-religii.html>

REFERENCES

1. Freidenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Ancient Literature]. Moscow, 1978.
2. Lotman Ju.M. *Roman v stihah A. S. Pushkina "Evgenij Onegin"* [The Eugene Onegin by Pushkin]. Tartu, 1975.
3. McWilliams N. *Psihoanaliticheskaia diagnostika* [Psychoanalytical diagnostics]. Moscow, Nezavisimaja firma "Klass", 1998.
4. Rudnev V. *Haraktery i rasstrojstva lichnosti* [Personal characters and diseases]. Moscow, Nezavisimaja firma "Klass", 2002.
5. Rudnev V. *Novaja model' real'nosti* [The new model of reality]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2016.